

УДК 811.162.1-32=161.1.09(045)

*С.Р. Зайнуллина, Е.П. Дулесов***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПОЛЬСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗА Г. СЕНКЕВИЧА «ЯНКО-МУЗЫКАНТ»**

В статье на материале рассказа Г. Сенкевича «Янко-музыкант» и четырех его переводов на русский язык рассматриваются разнообразные приемы передачи реалий – лексических единиц, благодаря которым художественный текст приобретает особую национальную окрашенность. Отмечается, что реалии выделяются относительно других культур и часто описываются как безэквивалентные лексемы, при этом некоторые из них все же имеют традиционные соответствия, нашедшие отражение в толковых словарях языка перевода. Выборка единиц позволила описать тематическое разнообразие реалий, характерных для быта и культуры Польши XIX в. Особое внимание в работе уделяется описанию стратегий каждого из переводчиков, проводится сопоставительный анализ примененных ими приемов. Делается вывод о том, что транскрибирование оказывается наиболее удачным способом передачи реалии именно при переводе с близкородственного языка. При необходимости транскрибированные слова сопровождаются примечаниями, однако их объем должен быть минимальным, иначе транскрибирование затруднит восприятие произведения. Использование функционального аналога или генерализации не усложняет структуру текста, но нередко приводит к утрате местного колорита.

Ключевые слова: перевод, близкородственный язык, польский язык, реалии, транскрипция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-504-513

Лексика национального языка отражает многовековой опыт познания определенной этнической общностью окружающей действительности, и при передаче содержания художественного текста средствами иностранного языка крайне важно сохранять национально-культурное своеобразие оригинала. Единицы, которые на лексическом уровне наиболее ярко отражают это своеобразие, в переводе принято называть *реалиями*.

Изучение реалии как переводческой категории началось сравнительно недавно, в середине XX в., и с тех пор велось достаточно активно, так что к данной проблеме в той или иной степени обращались практически все теоретики перевода, однако единый подход к описанию реалий на сегодняшний день не выработан. Стоит начать с того, что само слово *реалия* имеет не только узкоспециальное значение и само по себе может порождать многозначность восприятия. В бытовом сознании *реалия* является синонимом слова *предмет* и понимается как ‘всякая вещь материального мира’ [12]. Учитывая это, один из основоположников теории художественного перевода А.В. Федоров отмечал, что речь должна идти не о переводе самих реалий, а о переводе названий реалий, поскольку «реалия – понятие экстралингвистическое и не может переводиться, как не может переводиться с одного языка на другой любая существующая в природе вещь» [13, с. 206]. Вероятно, учитывая этот факт, ученые и переводчики под термином *реалия* обычно понимают не сами предметы и явления, а лексические единицы, их называющие. Анализируя приемы перевода, мы находимся в плоскости языка, так что развитие у слова *реалия* значения ‘название вещи’ представляется нам вполне закономерным процессом, отражающим перенос по типу метонимии.

Определению объема и содержания понятия *реалия* посвящена статья О.С. Ромовой [8, с. 60]. Исследователь рассматривает реалию в ряду других научных терминов, таких как *локализм*, *лакуна*, *пробел*, *экзотизм*, *варваризм* и др. В ходе анализа О.С. Ромова приходит к выводу о том, что наиболее точным следует считать определение, данное С. Влаховым и С. Флориным в работе «Непереводимое в переводе»: реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [4, с. 47]. Данное определение нам также представляется удачным, поскольку оно не только указывает на основные признаки изучаемых единиц, но и характеризует реалии как переводческую трудность.

Примечательно, что некоторые реалии имеют эквиваленты. Такие реалии В.А. Вернигорова называет словарными: они «входят в лексический состав языка перевода и, стало быть, обладают

определенной формой, официально зафиксированной правилами фонетики и орфографии данного языка» [3, с. 139]. Следовательно, как переводчику, так и лингвисту, изучающему вопросы перевода, при работе с реалиями следует обращаться к словарям.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности передачи польских реалий в четырех русскоязычных переводах рассказа Г. Сенкевича «Янко-музыкант». Анализ польского художественного текста в указанном аспекте, на наш взгляд, является перспективным, поскольку работ, посвященных вопросам передачи этнокультурной специфики произведения при переводе с близкородственного языка, на данный момент не так много. Между тем, начиная с XIX в. в России было сделано множество переводов польских произведений, и накопившийся обширный материал требует научного осмысления и систематизации.

Выбор текста обусловлен также тем, что в нем мы встретили довольно много лексем, передающих национальный колорит. Данная особенность связана в первую очередь с жанровыми характеристиками произведения, с его сюжетом. В рассказе «Янко-музыкант» Г. Сенкевич, сторонник реалистической литературы и гуманист, повествует о трагической судьбе одаренного мальчика, росшего в бедной крестьянской среде. Пристальное внимание автор уделяет описанию народной жизни, он знакомит читателя с предметами быта и явлениями культуры.

Не менее значимым фактором при выборе материала стало наличие вариантов перевода исходного текста (далее – ИТ) на русский язык. Этот фактор сделал возможным применение сопоставительного метода, особенно показательного при работе с реалиями, при передаче которых в связи с отсутствием эквивалента нередко наблюдается разнообразие приемов перевода в параллельных контекстах.

Первый вариант перевода (далее – ПТ1) принадлежит В.Г. Короленко, он был обнаружен в его архиве в 1957 г., уже после смерти писателя. Русский классик с детства знал польский язык, его мать происходила из польского рода. Незнакомые среднестатистическому носителю русского языка реалии польского быта были понятны В.Г. Короленко и близки настолько, что он свободно вплетал полонизмы в русскоязычные переводы. Отмечая данную особенность, специалист по истории и диалектологии польского языка Н.Е. Ананьева пишет о том, что эти иноязычные элементы функционально значимы, они «являются компонентом языковой материи произведения и тем самым частью его поэтики» [1, с. 15].

Второй перевод (далее – ПТ2) был выполнен В.М. Лавровым и опубликован в издаваемом им журнале «Русская мысль» в 1893 г. В.М. Лавров «был известен как знаток польского языка, литературы и как неутомимый ее пропагандист» [7, с. 201]. Его переводы произведений Г. Сенкевича, Э. Ожешко, М. Конопницкой, В. Реймонта и др. высоко ценились современниками.

Третий перевод (далее – ПТ3) осуществлен Е.М. Рифтиной. Она, как и В.М. Лавров, переводила произведения многих польских авторов, среди которых Ю. Тувим, Ю. Крашевский, Б. Прус и др.

Четвертый вариант перевода (далее – ПТ4) был взят из издания, представляющего собой своего рода пособие для изучения иностранного языка, текст произведения в нем адаптирован для чтения по методу Ильи Франка. Адаптация в данном случае предполагает «включение (при помощи скобок) в оригинальный текст трех вещей: дословного перевода, литературного перевода (добавляемого только там, где это необходимо) и краткого лексического комментария (тоже только там, где он важен для точного понимания значения слова и его исходной грамматической формы)» [14]. Пособие «Польский с Генриком Сенкевичем. Янко-музыкант» было издано в 2018 г., перевод на русский язык выполнен Л. Дачевской-Рапацкой, она также отвечала за подготовку издания.

При классификации реалий чаще всего опираются на так называемое предметное деление, предполагающее отнесение слова к той или иной семантической группе. На этом основании С. Влахов и С. Флорин подразделяют реалии на географические, этнографические и общественно-политические [4, с. 51].

Начнем рассмотрение способов перевода реалий из рассказа Г. Сенкевича «Янко-музыкант» с группы этнографических реалий, поскольку именно эта группа представлена в исследуемом произведении наибольшим числом единиц.

Этнографическими реалиями С. Влахов и С. Флорин считают большую часть слов, обозначающих понятия, которые «принадлежат науке, изучающей быт и культуру народов, формы материальной культуры, обычаи, религию, духовную культуру, в том числе искусства, фольклор и т. д.» [4, с. 63]. К числу этнографических относятся слова следующих тематических групп: 1) быт, 2) труд, 3) искусство и культура, 4) этнические объекты, 5) меры и деньги.

Начнем рассмотрение способов перевода реалий с лексем, обозначающих маркированные в культурном плане предметы быта.

ИТ: *Dajta – powiada – to zapalę nad wami gromnicę...*

ПТ1: Давайте – говорит, – я над вами *громницу* зажгу.

ПТ2: Дай-ка, – сказала она, – я зажгу *громницу*...

ПТ3: Давайте, – говорит, – кума, зажгу я вам *громницу*...

ПТ4: Дай-ка, говорит, я зажгу над вами *громницу*...

В «Словаре польского языка» под ред. В. Дорошевского, составленном в середине XX в., значение слова *gromnica* представлено следующим образом: ‘освященная восковая свеча, которую зажигают при умирающих, а также во время грозы для защиты от молний’ [18] (дефиниции из словарей польского языка представлены в переводе авторов. – С. З., Е. Д.). В рассказе эту свечу зажигают рядом с героиней и ее новорожденным сыном, который появился на свет настолько болезненным и слабым, что, казалось, он скоро умрет.

В польско-русском словаре (здесь и далее для поиска эквивалента привлекаются данные [19]) лексема *gromnica* отсутствует, следовательно, одного, условно предпочтительного, варианта перевода данной реалии не существует. Анализ четырех ПТ показал, что переводчики применили один и тот же прием – транскрипцию с примечанием. Из примечаний мы узнаем, что *громница* – это свеча освященная (ПЯ1, ПЯ2, ПЯ4), погребальная (ПЯ1, ПЯ3). Наиболее подробный комментарий представлен у В.Г. Короленко. Из него можно узнать, что *громница* – «восковая свеча, получаемая накануне пасхи у всенощной; ее держат за образцами в переднем углу и приписывают [ей] силу талисмана во время грозы. Ее же зажигают у одра умирающего» [9].

Несмотря на то, что внутренняя форма существительного *громница* довольно ясно указывает на связь с громом, этого оказывается недостаточно для понимания смысла незнакомой реалии в контексте, с чем, по-видимому, и связано решение переводчиков снабдить слово примечанием.

ИТ: *Pójdzie, bywało, do boru za byłem albo z dwójkami na jagody, to się wróci bez jagód...*

ПТ1: Пойдет это в бор за коровой или с *двошками* по ягоды соберется, ничего не наберет, с пустыми руками вернется...

ПТ2: Пойдет, бывало, в лес за скотиной или с *корзиной* за ягодами, но только вернется без ягод...

ПТ3: Пойдет, бывало, в лес за скотиною или с *корзиной* за ягодами, а вернется без ягод...

ПТ4: Пойдет, бывало, за стадом в лес или с *двошками* по ягоды, то вернется без ягод...

В словаре польского языка *dwójki* – ‘в прошлом вид глиняной посуды из двух горшков, соединенных ручкой’ [17]. В России подобное гончарное изделие встречалось, но не было распространено повсеместно. Оно использовалось для переноса еды во время полевых работ и часто называлось *щанки*. Так, например, известно, что *щанки-двоочки* изготавливались в Ярославской области в XIX в. [15]. Несмотря на это, в двуязычном словаре польская реалия не зафиксирована, то есть эквивалент к ней отсутствует.

В двух вариантах перевода мы отмечаем рассмотренный выше прием – транскрипцию с примечанием. В ПТ1 слово *двошки* сопровождается комментарием ‘два горшка, соединенные ушком’, а в ПТ4 отмечено, что *двошки* – это ‘глиняный сосуд, горшок, состоящий из двух емкостей, соединенных между собой ручкой – «ухом»’. В ПТ2 и ПТ3 представлен перевод при помощи функционального аналога – слова *корзина*, которое в смысловом отношении не совпадает с единицей ИТ, но, переводя слово *dwójki* таким образом, переводчики решали сразу две проблемы. Первая проблема заключается в том, что эквивалентный перевод единицы с опорой на двуязычный словарь невозможен, а транскрипция предполагает усложнение структуры текста за счет примечания. Вторая же проблема связана с восприятием текста читателем: сам факт использования двойного глиняного горшка для сбора ягод мог вызывать у читателя вопросы. Применение функционального аналога в рассмотренном примере облегчило восприятие текста. Авторы ПТ2 и ПТ3 пошли на такую заметную трансформацию, думается, еще и потому, что не хотели заострять внимание читателя на непривычном слове, отвлекая от развития сюжета. Хотя если допустить, что поход за ягодами именно с *двошками*, по мысли Г. Сенкевича, определенным образом раскрывает образ заглавного героя, то и эта деталь обретет новый смысл.

Перейдем к анализу переводческих приемов, примененных при передаче этнографических реалий тематической группы «Труд». Данная группа включает в себя наименования, обозначающие людей, орудия, а также формы организации труда.

ИТ: *Matka, biedna komornica, żyjąca z dnia na dzień niby jaskółka pod cudzą strzechą...*

ПТ1: Мать, бедная *коморница*, жившая изо дня в день точно ласточка под чужой крышей...

ПТ2: Мать, бедная *работница*, жившая со дня на день, как ласточка, под чужою крышей...

ПТ3: Мать, бедная *поденищица*, перебивавшаяся со дня на день, как ласточка под чужой кровлей...

ПТ4: Мать, бедная *коморница*, живущая изо дня в день словно ласточка под чужой крышей...

Существительное *komornica* является историзмом: 'устар. деревенская женщина, не имеющая ни собственной земли, ни дома, живущая у чужих людей за определенную плату' [18]. Единица отсутствует в переводном словаре.

Авторы ПТ1 и в ПТ4 применили для передачи лексемы транскрипцию с пояснением. В ПТ1 присутствует следующий комментарий: «Коморник – имеет в польском языке несколько значений, между прочим – межевщик, землемер. Здесь это слово значит: нанимательница квартиры в чужом доме» [9]. Вторая часть комментария кратко и точно передает содержание реалии, первая же часть представляется нам избыточной. Практически каждая транскрибированная единица, которую поясняет переводчик, имеет больше одного значения, при этом понимание ее содержания при чтении переводного произведения должно происходить легко и относительно быстро, чтобы читатель мог вскоре вернуться к основному тексту. Следовательно, на наш взгляд, целесообразно пояснять значение реалии, реализованное в конкретном контексте.

В ПТ4 слово *коморница* сопровождается пояснением «бедняк; чиновник, пристав» [6]. Мы не можем считать такое пояснение удачным, поскольку значения 'чиновник, пристав' не могли относиться к женщине того времени, следовательно, эта информация неуместна и избыточна. Пояснение 'бедняк' является малоинформативным, поскольку по контексту понятно, что мать главного героя нуждалась в деньгах и жила под чужой крышей. При подобном не вполне корректном пояснении сам смысл транскрипции теряется, поскольку не совсем ясно, ради чего переводчик решил сохранить исходную единицу: специфика реалии не передана, и не понятно, в чем ее уникальность. Кроме того, думается, что в данном случае имеет смысл сохранить указание на пол персонажа, как это сделано в ПТ1.

В ПТ2 и в ПТ3 был осуществлен приблизительный перевод при помощи функционального аналога. В первом случае было использовано слово *работница*, во втором – *поденищица*. У слова *работник* есть устаревшее значение – 'наемный сельскохозяйственный рабочий, а также тот, кто нанялся к кому-л. для работы по дому, по хозяйству'; *поденищик* – 'рабочий, занятый поденным трудом', то есть трудом, оплачиваемым по количеству проработанных дней. [12]. В обоих случаях утрачена информация о том, что такие рабочие за свой труд получали угол в доме, однако в данном конкретном примере эта информация восстанавливается из контекста: отмечено, что женщина жила под чужой крышей. По сути, переданным остается только то, что в Польше существовал целый класс подобных работников и для обозначения представителей этого класса использовалось специальное слово – *komornik*. Думается, что в данном случае одинаково возможны и перевод при помощи функционального аналога, и транскрипция с кратким комментарием, относящимся к значению в приведенном контексте.

ИТ: *Zobaczył go tak raz karbowy, stojącego z rozrzuconą czupryną i słuchającego wiatru w drewnianych wiałach...*

ПТ1: Увидел этак однажды *карбовый*, как он стоял недвижно, с вставшими по ветру волосами, жадно слушая музыку ветра и вил...

ПТ2: Раз, когда он стоял с растрепавшимися волосами и слушал, как играет ветер в деревянных вилах, его заметил *надсмотрщик*...

ПТ3: Однажды, когда он стоял с разметавшимися волосами, прислушиваясь к игре ветра в деревянных вилах, увидел его *надсмотрщик*...

ПТ4: Увидел его как-то раз *надсмотрщик*... стоящего с растрепанной шевелюрой и слушающего ветер в деревянных вилах...

Как и слово *komornica*, слово *karbowy* не отражено в переводном словаре и в польском языке считается устаревшим: 'устар. в помещичьей усадьбе: человек, следящий за ходом полевых работ, ведущий записи об этих работах' [18].

Транскрипция с пояснением представлена только в ПТ1. В.Г. Короленко уточняет, что *карбовый* – это 'надсмотрщик'. Данное уточнение не указывает на национальную специфичность понятия, следовательно, в транскрипции нет необходимости. Существительное *надсмотрщик*, который мы встречаем в ПТ2, ПТ3 и ПТ4, является результатом генерализации и представляется нам наиболее

адекватным средством перевода, поскольку подобранный эквивалент имеет прозрачную внутреннюю форму и достаточно обобщенное значение: ‘лицо, осуществляющее надсмотр за кем-, чем-л.’ [12].

Следующая этнографическая реалья по своей тематике относится к группе «Искусство и культура».

ИТ: Ludzie tańcowali *obertasa*, czasem jaki parobek pokrzykiwał: «U-ha!» Słuchać było tupanie butów...

ПТ1: Внутри гремел веселый *обертас*, порой парубок выкрикивал: «У-га!» – и раздавалось притоptyвание каблуков...

ПТ2: Люди танцевали «*обертас*» и иногда какой-нибудь парень выкрикивал: «У-га!».

ПТ3: Люди танцевали «*обертас*». Слышался топот сапог, то вдруг какой-нибудь парень выкрикивал: «У-га!»...

ПТ4: Люди танцевали *обертас*, иногда какой-то парубок выкрикивал: «У-ха!» Слышно было топанье ботинок...

В толковом словаре польского языка объясняется, что *obertas* – шуточный, разговорный синоним слова *oberek*, имеющего значение ‘народный танец в очень быстром темпе, а также музыка к этому танцу’ [17]. В переводном словаре и в словарях русского языка слово *обертас* (*оберек*) не закреплено (исключение составляют энциклопедические словари). Сфера употребления лексемы ограничена: *оберек* – музыкальный термин, известный в основном специалистам. При этом единица имеет ярко выраженную национальную окрашенность и, что особенно важно, особую значимость в сюжетном пространстве рассказа, посвященного музыке. Все четыре переводчика решают познакомить русского читателя с данной реальей польской культуры, прибегнув к транскрипции. Рассмотрим особенности применения данного приема авторами разных ПТ.

В ПТ1 к слову *обертас* дается примечание «танец», которое, во-первых, не указывает на национальную специфичность единицы, и, во-вторых, является недостаточно точным. У В.Г. Короленко *обертас* *гремит*, а значит, в ПТ1 реалья называет не столько танец, сколько музыку к этому танцу. Отдельно отметим прием, к которому прибегает переводчик, проясняя смысл незнакомого слова. Желая указать на темп и на характер *обертаса*, переводчик добавляет эпитет *веселый*.

В ПТ4 поясняется, что *обертас* – ‘польский народный танец’. Казалось бы, при чтении сочетания «танцевали *обертас*» у читателя не возникнет сомнений о том, что *обертас* – это танец, и примечание может показаться избыточным, однако здесь следует вспомнить о жанровой специфике источника, из которого взят ПТ4. Пояснения, которые в традиционном издании могли бы показаться излишними, в данном случае являются обязательным элементом представления текста, а читатель может сам определять необходимый для него объем комментария.

В ПТ2 и ПТ3 примечания к слову *обертас* отсутствуют, но сама единица берется в кавычки. Этот знак препинания является показателем «чужого слова» и акцентирует внимание читателя на полонизме. Отсутствие примечания в данном случае не является критичным, поскольку, как говорилось выше, компоненты значения восстанавливаются из контекста, особенно если учесть, что в ПТ2 и ПТ3 существительное *обертас* выступает в качестве дополнения при глаголе *танцевать*.

Согласно выбранной классификации реальей, названия обычаев, ритуалов и всего, что с ними связано, также относятся к сфере искусства и культуры. Обратим внимание на существительное *strzyga* и варианты его перевода на русский язык.

ИТ: Ba! – powiada druga – a chłopaka to zara trza ochrzcić; on i dobrodzieja nie doczeka, a – powiada – błogo będzie, co choć i *strzygą* się nie ostanie.

ПТ1: Ба! – другая говорит. – А мальчишку-то сейчас крестить надо: он и ксендза не дождетя, и то хорошо, коли *стригой* не останеся.

ПТ2: А мальчишку-то, – сказала другая, – нужно сейчас окрестить. Он и батюшки не дождетя. Хорошо, хоть *нехристом* не умрёт.

ПТ3: Что ж, – говорит другая, – а мальчика-то надо сейчас окрестить: он и ксендза не дождетя, хорошо, хоть *нехристом* не умрет!

ПТ4: Ба! – говорит другая – а мальчишку-то сейчас же нужно окрестить; он и ксендза не дождетя, хорошо будет, что хоть *стригой* не останеся.

В современном польском языке рассматриваемая единица имеет значение ‘нечисть, способная менять свой облик, питающаяся человеческой кровью’ [17]. Кроме того, согласно народным поверьям

ям, данное слово означало также пугающую людей душу ребенка, который умер в младенчестве [18]. Эквивалент в русском языке, судя по данным переводного словаря, отсутствует.

В ПТ1 видим транскрипцию *стрига*, в ПТ4 переводчиком применен тот же прием с небольшим отличием в передаче ударного гласного – *стрыга*. Точнее всего звучание польского слова *strzyga* можно бы было передать, используя написание *стишига*, но переводчики этого не делают. Судя по всему, здесь имеет место своего рода традиционная передача единицы, поскольку в специальной литературе о славянской мифологии упоминаются наименования *стрига* и *стрыга*, правда, обозначать эти слова могли нечто иное: например, согласно словацким верованиям, стрига – одно из демонических воплощений людей, «у которых от рождения две души» [2, с. 196], а в Белоруссии «стрыга могла подменить дитя, правда, не на веник и краюшку, а на выродка или калеку, или убить его» [5, с. 242].

В примечании к единице в ПТ1 читаем, что *стрига* – ‘душа ребенка, умершего до крещения’. Комментарий в ПТ4 более развернутый и полный: *стрыга* – ‘нехристь’, ‘согласно поверьям, демоническое существо, рожденное из душ умерших некрещеных младенцев; нехристь; упырь’. Русской демонологии персонаж с подобным названием незнаком, поэтому оба варианта транскрипции сопровождаются пояснением, облегчающим понимание незнакомого слова.

В ПТ2 и ПТ3 применяется приближенный перевод при помощи слова *нехристь*, имеющего значение ‘прост. устар. Человек нехристианской веры, а также человек, не верующий в бога’ [12]. Из данного контекста можно понять только то, что слабого младенца нужно успеть крестить до момента его смерти, но какой будет судьба некрещеной детской души, в ПТ2 и ПТ3 (как, впрочем, и в ПТ1) не сказано, поскольку это понимание, по-видимому, должно быть обеспечено фоновыми знаниями. В Евангелии читаем: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5). Следовательно, изначально может быть понятно, что некрещеная душа в рай не попадет, и смысл ИТ при приближенном переводе в целом сохранен, но утрачена важная культурно-специфическая информация: читая ПТ2, ПТ3 (с приближенным переводом) и ПТ1 (с транскрипцией и кратким комментарием), мы не сможем узнать о том, что в Польше существовало поверье, согласно которому душа некрещеного ребенка превращалась в опасное для окружающих существо из потустороннего мира, так что в данном случае транскрипция с примечанием нам кажется наиболее адекватным переводческим приемом.

В рассказе присутствуют две реалии, обозначающие религиозные понятия, – это лексемы *ksiądz* и *kościół*. Согласно классификации С. Влахова и С. Флорина, они также являются этнографическими.

ИТ: Posłano po księdza; przyjechał, zrobił swoje, odjechał...

ПТ1: Послали за *ксендзом*. Приехал, сделал свое дело, уехал.

ПТ2: Послали за *ксендзом*. Приехал он, сделал что нужно и уехал.

ПТ3: Послали за *ксендзом*. Он приехал, сделал свое дело и уехал.

ПТ4: Послали за *ксендзом*. Приехал, сделал свое дело, уехал.

В польском языке *ksiądz* имеет значение ‘христианский священник’ [17]. Единица отражена в переводном словаре, в котором в качестве соответствий к *ksiądz* даются слова *священник* и *ксендз*. Существительное *ксендз*, которое используется во всех ПТ, как и большая часть полонизмов, было заимствовано русским языком в 16–17 вв. В русском языке оно приобрело более узкое значение – не любой христианский, а именно ‘польский католический священник’ [12]. Наличие слова *польский* в толковании и отсылка к оригиналу (польск. *ksiądz*) свидетельствуют о соотносительности данной лексемы с культурой Польши и ее языком.

Анализируя контекстные условия функционирования единицы, можно отметить, что слово *ksiądz* в данном случае можно было бы перевести как *священник* без ущерба для смысла, но выбор в пользу полонизма говорит о желании переводчика сделать отсылку к польской культуре. Применению указанного приема способствовал тот факт, что данная единица вошла в состав русского языка давно и закреплена в толковых словарях уже не одно столетие.

ИТ: Do *kościół*a matka nie mogła go brać...

ПТ1: В *костел* мать его и водить перестала...

ПТ2: Мать даже его в *костёл* брать не могла...

ПТ3: Мать уж перестала водить его в *костел*...

ПТ4: В *костел* мать не могла его брать...

Kościół в польском языке обозначает ‘здание, место для молитвы христиан’ [17]. В русском языке слово *костел* обозначает ‘польский католический храм’ [12]. Судя по всему, это существитель-

ное было освоено русским языком даже раньше, чем слово *ksiądz*. Первое его употребление М. Фасмер отмечает в Софийской второй летописи под 1438 г. Данная реалия также имеет в русском языке традиционное соответствие и всеми переводчиками передается единообразно.

Еще одна группа реалий, описанная С. Влаховым и С. Флориным, включает в себя слова, обозначающие понятия общественно-политической жизни.

ИТ: Na drugi dzień biedny Janek stał już przed sądem u *wójta*.

ПТ1: На следующий день Янко стоял уже перед судом у *войта*.

ПТ2: На другой день бедный Янко стоял уже перед судом у *войта*.

ПТ3: На другой день бедный Янко стоял перед судом у *войта*.

ПТ4: На следующий день несчастный Янко стоял перед судом у *войта*.

Обратим внимание на существительное *wójt* – ‘с XVI в. должностное лицо, возглавлявшее исполнительный орган в сельской гмине, в межвоенной Польше и до 1950 г. обладавшее судебными полномочиями и выступавшее в качестве председателя общинного самоуправления’ [18]. В переводном словаре единица отсутствует, однако русскому языку она, по-видимому, знакома. Использованное во всех ПТ слово *войт* нашло отражение в толковых словарях русского языка: *войт* – ‘старшина сельской общины в Польше до 1950 г.’ [12]. Несмотря на это, рассматриваемая единица понятна лишь небольшому числу людей и к тому же ограничена не только территориально, но и хронологически, поэтому в двух вариантах перевода из четырех она сопровождается примечанием: ‘начальник сельской администрации’ (ПТ1) и ‘чиновник, глава местного сельского самоуправления’ (ПТ4). В ПТ2 и ПТ3 комментарий к единице отсутствует, при этом из контекста произведения можно понять, что *войт* – представитель власти, поскольку он вершит суд на Янко, пробравшимся в господский дом за скрипкой.

К географическим реалиям С. Влахов и С. Флорин относят названия объектов физической географии, в том числе связанных с человеческой деятельностью, и названия эндемиков. Реалии, непосредственно относящиеся к этой группе, в рассказе отсутствуют, однако мы обратили внимание на названия птиц, переведенные на русский язык неодинаково. Так, *lelek* (козодой) в ПТ2 и ПТ3 был заменен на сову, а *derkacz* (коростель) в ПТ2 – на дятла. Замена на функциональный аналог в приведенных случаях связана с ограниченным ареалом обитания птиц из ИТ и косвенно свидетельствует о влиянии на перевод географического фактора, что для реалий в целом характерно.

Проведенное исследование вариантов перевода рассказа Г. Сенкевича «Янко-музыкант» и анализ приемов, примененных авторами ПТ при передаче польских реалий на русский язык, позволили прийти к ряду выводов.

1. В проанализированном произведении реалии представлены весьма широко. Следуя классификации С. Влахова и С. Флорина, нам удалось выявить в ИТ единицы различных тематических групп, однако наиболее широко представлены в рассказе этнографические реалии. Преобладание лексем, связанных с бытом и культурой Польши, обусловлено содержательной стороной выбранного для исследования текста.

2. Рассмотренные реалии отличаются друг от друга и по степени освоенности русским языком. Оценить данный показатель можно, опираясь на данные лексикографических источников, прежде всего, толковых и переводных словарей. Нам встретились единицы, которые, несмотря на свою национально-культурную специфичность, имеют традиционную форму выражения в русском языке (*ksiądz*, *kościół*, *wójt*), а также единицы, русскому языку незнакомые (*gromnica*, *dwojaki*, *komornica*, *karbowy*, *obertas*, *strzyga*).

3. Знакомые русскоязычному читателю реалии переводчиками переданы одинаково – при помощи традиционной транскрипции, представленной в русскоязычных словарях. Такие традиционные соответствия, как правило, не нуждаются в примечании. Культурно-значимые единицы, не имеющие общепринятого соответствия в русском языке, переводились разными способами: при помощи транскрипции (с примечанием или без него), с применением функционального аналога или же генерализации.

4. Переводя польские реалии на русский язык, авторы ПТ в 50 % случаев прибегают к транскрипции, при этом в подавляющем большинстве случаев сопровождают такой вариант перевода более или менее подробным пояснением. Транскрибирование знакомит русского читателя с новыми для него польскими словами, а вместе с тем – и с уникальными понятиями польской культуры, которые этими словами обозначены.

5. Транскрипция реалии без пояснения ее значения объясняется тем, что авторы ПТ, передавая национальный колорит, не хотели перегружать художественный текст большим количеством дополнительных сведений. С целью указания на реалию и пояснения ее значения могут применяться вспомогательные приемы, например, использование кавычек как показателя «чужой речи» («*обертас*») или добавление слов, проясняющих смысл трудной для понимания единицы (*танцевали обертас*).

6. Транскрипция характерна, прежде всего, для ПТ1 и в ПТ4. Автор ПТ1, В. Г. Короленко, для которого польская культура была понятна и близка, по-видимому, стремился и читателей посредством языка по возможности приобщить к этой культуре. Автор ПТ4, Л. Дачевская-Рапацкая, не только переводила, но и адаптировала ИТ для чтения по методу И. Франка. В издании «Польский с Генриком Сенкевичем. Янко-музыкант» толкуются не только реалии, но и многие другие слова, указываются их стилистические особенности и грамматические формы, а транскрипция помогает достичь необходимой близости ИТ и ПТ4.

7. Замена исходных реалий на функциональный аналог, использование в ПТ генерализации упрощают восприятие текста. Переводчик, выбирая одну из названных стратегий, нередко жертвует национальной специфичностью произведения, делая выбор в пользу его сюжетной составляющей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьева Н. Е.* О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко) // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. № 2. С. 13–25.
2. *Валенцова М. М.* Словацкая мифологическая лексика на общеславянском фоне (этнолингвистический аспект) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 186–206.
3. *Вернигорова В. А.* Понятие реалии в современном переводеведении // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 3. Ч. 2. С. 137–141.
4. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
5. *Голикова С. В.* Представления о вещах в уральском фольклоре // Документ. Архив. История. Современность: материалы всероссийской научно-практич. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. № 7. С. 237–245.
6. *Польский с Генриком Сенкевичем. Янко-музыкант = Henryk Sienkiewicz. Janko muzykant.* М.: Издательский дом ВКН, 2018. 176 с.
7. *Ровнякова Л. И.* Вукол Лавров и распространение польской литературы в России // Славянские литературные связи. Сборник науч. статей. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 195–212.
8. *Ромова О. М.* Понятие «реалия» в ряду других научных терминов в лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. М.: Издательство МГОУ, 2010. № 2. С. 60–63.
9. *Сенкевич Г.* Янко-музыкант // Без догмата. Рассказы. М.: Правда, 1989. С. 491–498.
10. *Сенкевич Г.* Янко-музыкант // Повести и рассказы. М.: Редакция журнала «Русская мысль», 1893. С. 110–120.
11. *Сенкевич Г.* Янко музыкант // Рассказы. Москва: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит., 1948. С. 81–88.
12. *Словарь русского языка: в 4-х томах / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.02.2022).
13. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
14. *Франк И.* Метод чтения Ильи Франка. URL: <http://www.franklang.ru/index.php/metod-chteniya-ili-franka> (дата обращения: 17.03.2022).
15. *Шевчук Т. В.* Традиционное гончарство Ярославской области XIX-XX вв. Центры. Стилистическое своеобразие: диссертация ... кандидата искусствоведческих наук: 17.00.04. Москва, 2015. 201 с.
16. *Henryk Sienkiewicz. Janko Muzykant* // Pisma wybrane. Nowele, tom I, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, 1976. URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/janko-muzykant.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
17. *Słownik języka polskiego / Lidia Drabik, Aleksandra Kubiak-Sokół, Elżbieta Sobol.* Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2006. 1360 s. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 27.02.2022).
18. *Słownik języka polskiego / red. Witold Doroszewski; Polska Akademia Nauk.* Т. 1–11. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1958-1969. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 27.02.2022).
19. *Wielki słownik polsko-rosyjski / Jan Wawrzyńczyk, Magdalena Kuratczyk, Eliza Małek, Halina Bartwicka.* Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 2005. 922 s.

Зайнуллина Саида Радиковна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

Дулесов Евгений Павлович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: evdules@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

S.R. Zaynullina, E.P. Dulesov

**SPECIFICS OF THE TRANSMISSION OF POLISH REALIA IN RUSSIAN TRANSLATIONS
OF H. SENKEVICH'S STORY "YANKO THE MUSICIAN"**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-504-513

The article examines various methods of transmitting realia – lexical units which help literary text acquire a special national flavor, based on the material of H. Senkevich's story "Yanko the musician" and four of its translations into Russian. It is noted that realia stand out relative to other cultures and are often described as non-equivalent lexemes, while some of them still have traditional correspondences that are reflected in the explanatory dictionaries of the target language. The selection of units made it possible to describe the thematic variety of realia specific to the way of life and culture of Poland in the 19th century. Special focus in the work is given to the description of the strategies of each of the translators and the comparative analysis of them. It is concluded that transcription turns out to be the most successful way of transmitting realia precisely when translating from a closely related language. If necessary, the transcribed words are accompanied by remarks, but their volume should be minimal, otherwise transcribing will make it difficult to comprehend the story. The use of a functional analogue or generalization does not complicate the structure of the text, but often leads to the loss of local flavor.

Keywords: translation, closely related language, Polish language, realia, transcription.

REFERENCES

1. *Anan'eva N. E.* O pol'skom yazyke v proizvedeniyah russkoj literatury XIX veka (na primere tvorchestva V.G. Korolenko) [About the Polish language in the works of Russian literature of the 19th century (on the example of V.G. Korolenko's work)]. *Slavyanskij vestnik* [Slavonic Bulletin]. Moscow, MAKS Press Publ., 2004, no. 2, pp. 13–25. (In Russian).
2. *Valencova M. M.* Slovackaya mifologicheskaya leksika na obshchoslavjanskom fone (etnolingvisticheskiy aspekt) [Slovak mythological vocabulary in common Slavic background (ethnolinguistic aspect)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rossijskoj delegacii* [Slavic Linguistics. XV International Congress of Slavic Studies. Minsk, 21-27 August 2013. Presentations of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 186–206. (In Russian).
3. *Vernigorova V. A.* Ponyatie realii v sovremennom perevodovedenii [The concept of realia in modern translation studies]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [The Almanac of Contemporary Science and Education]. Tambov, Gramota Publ., 2010, no. 3, part 2, pp. 137–141. (In Russian).
4. *Vlahov S., Florin S.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in Translation]. Moscow, International Relations Publ., 1980, 383 p. (In Russian).
5. *Golikova S. V.* Predstavleniya o veshchicah v ural'skom fol'klore [The idea of knick-knacks in the Urals folklore]. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': materialy vserossijskoj nauchno-praktich. konf.* [Document. Archive. History. Modernity: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2007, no. 7, pp. 237–245. (In Russian).
6. Pol'skij s Genrikom Senkevichem. Yanko-muzykant = Henryk Sienkiewicz. Janko muzykant [Polish with Henryk Sienkiewicz. Janko muzykant = Henryk Sienkiewicz. Janko muzykant]. Moscow, VKN Publ., 2018, 176 p. (In Russian).
7. *Rovnyakova L. I.* Vukol Lavrov i rasprostranenie pol'skoj literatury v Rossii [Vukol Lavrov and the spread of Polish literature in Russia]. *Slavyanskije literaturnye svyazi: sbornik nauch. statej* [Slavic Literary Ties: A Collection of Scientific Articles]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 195–212. (In Russian).
8. *Romova O. M.* Ponyatie "realiya" v ryadu drugih nauchnyh terminov v lingvistike [The concept of "realia" among other scientific terms in linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya:*

- Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Linguistics series]. Moscow, Moscow State Regional University Press, 2010, no. 2, pp. 60–63. (In Russian).
9. *Senkevich G.* Yanko-muzykant [Janko the Musician]. Bez dogmata. Rasskazy [Without dogma. Stories]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 491–498. (In Russian).
 10. *Senkevich G.* Yanko-muzykant [Janko the Musician]. Povesti i rasskazy [Novellas and stories]. Moscow, Editorial Board of "Russian Mind", 1893, pp. 110–120. (In Russian).
 11. *Senkevich G.* Yanko muzykant [Janko the Musician]. Rasskazy [Stories]. Moscow, Ogiz, State Publishing House of Fiction, 1948, pp. 81–88. (In Russian).
 12. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. [Dictionary of the Russian Language in 4 volumes]. RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy [RSA, Institute for Linguistic Research]. Moscow, Rus. yaz, Poligrafresursy publ., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (circulation date: 10/02/2022). (In Russian).
 13. *Fedorov A. V.* Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of General Translation Theory (linguistic issues)]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press; Moscow: Publishing House "FILOLOGIYA TRI" Ltd., 2002, 416 p. (In Russian).
 14. *Frank I.* Metod chteniya Il'i Franka [Ilya Frank's reading method]. URL: <http://www.franklang.ru/index.php/metod-chteniya-ili-franka> (circulation date: 17/03/2022). (In Russian).
 15. *Shevchuk T. V.* Tradicionnoe goncharstvo Yaroslavskoj oblasti XIX-XX vv. Centry. Stilisticheskoe svoeobrazie [Traditional pottery in the Yaroslavl region in the 19th-20th centuries. Centres. Stylistic uniqueness]. Spetsial'nost' [Specialty] 17.00.04 – izobrazitel'noe i dekorativno-prikladnoe iskusstvo i arhitektura [Visual and decorative arts and architecture]. Dissertaciya ... kandidata iskusstvedcheskih nauk [Thesis of Candidate in Art History]. Moscow, 2015, 201 p. (In Russian).
 16. *Henryk Sienkiewicz.* Janko Muzykant [Janko the Musician]. Pisma wybrane. Nowele, tom I [Selected Writings. Novels, Vol. I]. State Publishing Institute, Warsaw, 1976. URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/janko-muzykant.pdf> (circulation date: 03/02/2022). (In Polish).
 17. Słownik języka polskiego / Lidia Drabik, Aleksandra Kubiak-Sokół, Elżbieta Sobol [Dictionary of the Polish language. Ed. Lidia Drabik, Aleksandra Kubiak-Sokół, Elżbieta Sobol]. Warsaw, Polish Scientific Publishers PWN, 2006, 1360 p. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (circulation date: 27/02/2022). (In Polish).
 18. Słownik języka polskiego / red. Witold Doroszewski; Polska Akademia Nauk. T. 1–11 [Dictionary of the Polish language. Ed. Witold Doroszewski, Polish Academy of Sciences. Vol. 1-11]. Warsaw, Common Knowledge Publ., 1958-1969. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (circulation date: 27/02/2022). (In Polish).
 19. Wielki słownik polsko-rosyjski / Jan Wawrzyńczyk, Magdalena Kuratczyk, Eliza Małek, Halina Bartwicka [The Great Polish-Russian Dictionary. Ed. Jan Wawrzyńczyk, Magdalena Kuratczyk, Eliza Małek, Halina Bartwicka]. Warsaw, Polish Scientific Publishers PWN, 2005, 922 p. (In Polish).

Received 16.11.2021

Zaynullina S.R., Candidate of Philology, Associate Professor,
at Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

Dulesov E.P., Candidate of Philology, Associate Professor,
at Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics
E-mail: evdules@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034